

Николай
БЕРДЯЕВ

МЕТАФИЗИКА
ПОЛА И ЛЮБВИ
САМОПОЗНАНИЕ

Николай Александрович Бердяев

Метафизика пола и любви.

Самопознание (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9508062

Метафизика пола и любви. Самопознание / Николай Александрович Бердяев ; вступ. ст. С. В. Чумакова ; примеч. А. А. Храмкова.:

*Бертельсманн Медиа Москва АО; Москва; 2014
ISBN 978-5-88353-616-7*

Аннотация

В сборник вошли два наиболее известных произведения Николая Бердяева – выдающегося русского мыслителя, последователя Канта, Ницше, Шопенгауэра, одного из ярчайших представителей идеалистической философии. «Человек», «личность», «индивид», «свобода», «Бог» – важнейшие категории философии Бердяева.

Пол и Любовь Бердяев считал главными мировыми вопросами и посвятил им работу «Метафизика пола и любви». Чувственность, как и консервативное стремление к обузданию пола, не имеют ничего общего с Любовью. Институт брака укрепляет лишь любовь родовую, а она метафизически ниже, чем любовь личная. Высшая форма любви – не для продолжения рода. Ромео и Джульетта, Данте и Беатриче не продолжили род. Высшее

проявление любви – это отречение от житейского, мистическая тайна двоих.

Работа «Самопознание» написана в уникальном жанре философской автобиографии. Бердяев рассказывает о становлении своих философских взглядов, о современниках, о своей яркой жизни: он пережил две революции, русский коммунизм, кризис мировой культуры, две мировые войны; четыре раза сидел в тюрьме, был сослан на север, выслан из России и закончил жизнь эмигрантом-изгнанником, но никогда не порывал внутренней духовной связи с родиной.

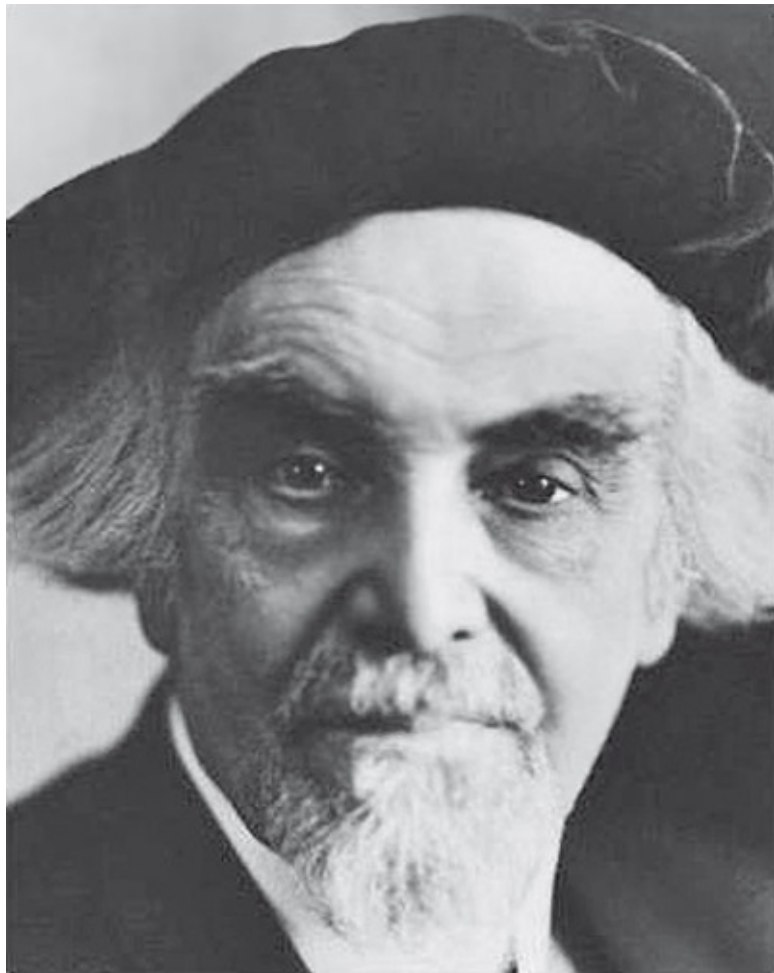
Вечные вопросы, над которыми размышлял Бердяев, – Любовь, Одиночество, Свобода, Бунтарство, Смысл Жизни и его поиски – сегодня актуальны, как никогда, идеи мыслителя оригинальны и современны, его стиль – величайшее явление русского языка.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Верующий вольнодумец	8
Метафизика пола и любви[1]	20
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Николай
Александрович Бердяев
Метафизика пола и
любви. Самопознание**

Печатается по изданию:

Бердяев Н. Самопознание: Избранное. – М.: Мир книги; Литература, 2006. – (Серия «Великие мыслители»)

Вступительная статья *С. В. Чумакова*

Примечания *А. А. Храмкова*

В оформлении обложки использовано фото Н. А. Бердяева, 1912 г.

Верующий вольнодумец

За коротким по историческим меркам отрезком времени – между девяностыми годами XIX века и Октябрьским переворотом 1917 года – закрепилась слава Серебряного века русской поэзии. И не только поэзии. Это была пора взлета отечественной культуры во всех ее проявлениях: живописи, ваянии и зодчестве, науке и культуре, общественной мысли. И центр философии, коим традиционно считалась Германия – родина Канта и Гегеля, Шопенгауэра, Ницше и Маркса, – переместился в Россию.

Одним из самых ярких мыслителей XX века, начавшим свой творческий путь в годы «русского ренессанса» и оказавшим значительное влияние на развитие философской мысли в Европе, был Николай Александрович Бердяев (1874–1948).

Будущий, как он себя называл, «верующий вольнодумец» родился в Киеве. По своему происхождению он принадлежал к русской аристократии. Его родители, хотя и жили в провинции, сохраняли обширные связи при Дворе. «Все мои предки были генералы и георгиевские кавалеры. Все начинали службу в кавалергардском полку... Я с детства был зачислен в пажи за заслуги предков». По материнской линии он был в близком родстве с польскими магнатами Браницкими, владевшими на Украине необозримыми угодьями. И Ни-

колаю прочили службу в самом привилегированном, лейб-гвардии кавалергардском полку, придворную карьеру. Однако любящие родители не решились отправить сына учиться в Петербург, в Пажеский корпус, а определили в местный кадетский корпус. Друзей в корпусе у Николая не было. Одноклассники относились к нему с завистью и отчуждением. Этот стройный юноша, владевший несколькими иностранными языками, прекрасный наездник, стрелок из револьвера, казался им пришельцем из другого мира. Внешне именно это представлялось причиной отстраненности Николая и даже заносчивости по отношению к сверстникам, будущим офицерам обычных пехотных полков. «На самом деле я никогда не любил общество мальчиков-сверстников и избегал вращаться в их обществе... И сейчас думаю, что нет ничего отвратительнее разговоров мальчиков в их среде», – писал Бердяев. У него необычайно рано пробудился интерес к философской литературе. Собеседников на отвлеченные темы среди кадетов не было. В четырнадцать лет Николай уже штудировал Канта и Гегеля. Но чтение столь серьезных книг не было схоластическим усвоением чьих-то мудрых мыслей и идей. «Я непрерывно творчески реагирую на книгу и помню хорошо не столько содержание книги, сколько мысли, которые мне пришли в голову по поводу книги» – так описывал Бердяев свою методику чтения философской литературы. Порой это приводило к неприятным последствиям. Например, однажды на экзамене по Закону Божьему он настолько

увлекся развитием собственных мыслей, что получил «единицу» при двенадцатибалльной системе оценок.

Николай понял, что военная служба – не для него. Вопреки воле родителей в 1884 году поступил на естественный факультет Киевского университета св. Владимира, через год перешел на юридический. Однако университет не закончил. Юный аристократ увлекся марксизмом, вступил в киевский кружок «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», переправлял нелегальную литературу через границу. Однажды в дом к нему нагрянули жандармы. Делая обыск, «ходили на цыпочках», чтобы не тревожить отца, который был на «ты» с губернатором. Знакомство родителей с сильными мира сего не спасло сына от ареста, отсидки в тюрьме, а затем высылки под надзор полиции в Вологду, где он и пробыл до 1904 года.

В среде ссыльных влияние марксизма было доминирующим. В дискуссионном «клубе» блистали будущие нарком А. Луначарский, эсер-террорист Б. Савинков... Однако именно там начался отход молодого мыслителя от ортодоксального марксизма. Вырвавшись из ссылки, Бердяев в течение нескольких лет наряду с «легальными марксистами» – П. Струве, М. Туган-Барановским и другими пытался переосмыслить теоретические принципы революционного учения: материализм, диалектику и в особенности материалистическое понимание истории. Но уже в 1906 году Бердяев писал: «Идеализм был хорош для первоначальной критики

марксизма и позитивизма, но в нем нет ничего творческого, остановиться на нем нельзя, это было бы нереально и не религиозно». Он становится активным пропагандистом идеологии «нового религиозного сознания», одним из важных постулатов которого стала необходимость духовной реформы православной церкви и христианской религии, ибо они должны соответствовать новой исторической эпохе и новой культуре. Эти идеи отражены в его книгах «Новое религиозное сознание и общественность», «Духовный кризис интеллигенции» и в ряде статей. Он участвует в сборнике «Вехи», вызвавшем бурные дискуссии в среде демократической интеллигенции, резкую критику со стороны «правильных» марксистов. Ленин оценил «Вехи» как «энциклопедию буржуазного ренегатства».

Бердяев становится одним из организаторов и активных авторов философских журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни». Он неприменный участник всех известных петербургских философских собраний. Примыкает к кругу интеллектуалов, объединившихся в философском салоне писателя С. Мережковского, одного из лидеров российского декаданса, автора ряда исторических романов, проникнутых религиозно-мистическим духом. Он желанный гость на так называемых «средах» одного из самых ярких поэтов Серебряного века Вяч. Иванова, собиравшего в своей «башне» интеллектуальную элиту Петербурга. «В. И. Иванов не только поэт, но и ученый, мыслитель, мистически настро-

енный, человек очень широких и разнообразных интересов... Всегда было желание у В. Иванова превратить общение людей в Платоновский симпозиум, всегда призывал он Эрос», – вспоминал об этих собраниях Бердяев. Еще одним центром притяжения были «воскресенья» у писателя, публициста, философа, автора парадоксальных эссе, которыми была очень недовольна православная церковь, В. Розанов. Хозяин «воскресений» был противником христианского аскетизма, порой своеобразно трактовал проблемы семьи и пола. И на этих собраниях Бердяев всегда был желанным гостем.

В 1908 году он переезжает в Москву. Здесь он общается с выдающимися философами Е. Трубецким, П. Флоренским и др. Вместе с ними создает религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева. В Москве для Бердяева наступает «время собирать камни». Он систематизирует свои взгляды в книгах «Философия свободы», «Смысл творчества».

В «Философии свободы» писал: «Всякое существо сбрасывает с себя пыль рационалистической рефлексии, касается бытия, непосредственно стоит перед его глубиной, сознает его в той первичной стихии, в которой мышление неотделимо от чувственного ощущения. Смотришь ли на звездное небо или в глаза близкого существа, просыпаешься ли вновь, охваченный каким-то неизъяснимым космическим чувством, припадаешь ли к земле, погружаешься ли в глубину

своих неизреченных переживаний и испытаний, всегда знаешь, знаешь вопреки всей новой схоластике и формалистике, что бытие в тебе и ты в бытии, что дано каждому живому существу коснуться бытия безмерного и таинственного. Не из мертвых категорий субъекта соткано бытие, а из живой плоти и крови. Вопрос о Боге – вопрос почти физиологический, гораздо более материально-физиологический, чем формально-гносеологический, и все чувствуют это в иные минуты жизни, неизъяснимые, озаренные блеснувшей молнией, почти неизреченные».

Бердяев пришел к пониманию жизни не как воспитанию, борьбе за свободу; к убежденности, что человек есть «микрокосм, потенциальная величина, что в нем все заложено». Он утверждает абсолютную ценность каждого отдельного микрокосма, уникальность, неповторимость личности. По Бердяеву, «весь природный мир есть лишь во мне отображенный внутренний момент совершающейся во мне мистерии духа, мистерии первожизни... мистико-символическое мирозерцание не отрицает мира, а вбирает его внутрь. Память и есть таинственно раскрывающаяся внутренняя связь истории моего духа с историей мира...».

Он неоднократно подчеркивал взаимосвязь и даже абсолютное единство Бога и конкретной личности, но с оговоркой, что Бог неизмеримо выше человека.

Задолго до 1917 года Бердяев заговорил о фатальной неизбежности революции в России и даже... о ее справедли-

ности, о том, что более всего ответственными за нее будут реакционные силы старого режима: «Я не представлял себе ее в радужных красках, наоборот, я давно предвидел, что в революции будет истреблена свобода и что победят в ней экстремистские и враждебные культуре и духу элементы... Я всегда чувствовал не только роковой характер революции, но и демоническое в ней начало».

Но в среде либеральной интеллигенции мало кто соглашался с ним. Куда больше было сторонников мнения о бескровности (а если крови – то чуть-чуть), гуманности грядущего переворота. События февраля 1917 года – отречение царя, приход к власти Временного правительства, состоявшего в большинстве своем из либералов, вызвали эйфорию в среде демократической интеллигенции. Красные банты украшали и штатские пальто и офицерские шинели. Однако Бердяев испытывал «большое одиночество». Его «очень отталкивало, что представители революционной интеллигенции стремились сделать карьеру во Временном правительстве и легко превращались в сановников». А в октябре 1917 года случилось «фатально неизбежное», о чем предупреждал философ: «Большевики не столько непосредственно подготовили революционный переворот, сколько им воспользовались». Русская революция стала «концом русской интеллигенции, которая ее подготовила. Она ее преследовала и низвергла в бездну. Она низвергла в бездну всю старую русскую культуру, которая, в сущности, всегда была против

русской исторической власти». И еще один горький вывод: «Я понял коммунизм как напоминание о невыполненном христианском долге. Именно христиане должны были осуществить правду коммунизма, и тогда бы не восторжествовала ложь коммунизма... Коммунизм был для меня не только кризисом христианства, но и кризисом гуманизма».

В наступившие годы гражданской войны, красного террора Бердяева не покинуло чувство внутренней свободы, независимости и даже храбрости. В обширной квартире профессора, которого пока не решались «уплотнить» новые власти, продолжали висеть портреты предков-генералов в орденских лентах, по вечерам велись острые дискуссии. В 1918 году начала публиковаться в журнале «Народоправство» его новая книга «Философия неравенства». Бердяев писал: «Социальное движение построено исключительно на принципе классовой борьбы, культивирует не высшие, а низшие инстинкты человеческой природы. Оно является не школой самоотвержения, а школой корыстолюбия, не школой любви, а школой ненависти. Снизу идущие исключительно классовые разрешения социального вопроса разрывают единство человеческого рода и разделяют его на две враждебные расы. Это движение понижает психический тип человека. Оно отрицает космический, т. е. иерархический, строй общества. Это революционное разрешение социального вопроса предполагает отрыв от духовных основ жизни и презрение к ним...» Вот как оценил появление «Философии нера-

венства» близкий по духу Бердяеву писатель Борис Зайцев: «Это книга, написанная против коммунизма и уравниловки с такой яростью и темпераментом, которые воодушевляли... уж очень все собственной кровью написано... замечательная книга». Для автора это была опасная книга. Но он продолжал вести себя независимо. Был избран профессором Московского университета и во время лекций «свободно критиковал марксизм». Организовал «Вольную академию духовной культуры», в которой читались лекции по философии религии и культуры. И здесь всегда «говорил свободно, нисколько не маскируя своих мыслей». Был арестован и посажен во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке. Допрашивал «блондин с жидкой, заостренной бородкой, с серыми мутными и меланхолическими глазами». Это был Дзержинский. Бердяев прямо, без утайки в течение сорока пяти минут объяснял ему, по каким религиозным, философским, моральным основаниям он является противником коммунизма. В 1922 году на печально знаменитом «философском пароходе», вместе со многими выдающимися деятелями русской культуры, был выслан из СССР. Сначала жил в Германии, а затем переехал в парижское предместье Кламар, где провел всю оставшуюся жизнь.

В эмиграции Бердяев создает Религиозно-философскую академию, руководит журналом «Путь», становится одним из руководителей самого известного эмигрантского издательства «Имка-пресс». «Уже за границей я писал много о

коммунизме и русской революции, – вспоминает Бердяев. – Я пытался осмыслить это событие, имеющее огромное значение не только для судьбы России, но и для всего мира. Я сделал духовное усилие стать выше борьбы сторон, очиститься от страстей, увидеть не только ложь, но и правду коммунизма». Около 500 трудов вышло из-под пера мыслителя. В эмиграции он написал лучшие свои произведения, оказавшие заметное влияние на развитие европейской философии: «Смысл истории» и «Философия свободного духа», «О назначении человека», «Дух и реальность», «История и смысл русского коммунизма», «Царство духа и царство кесары» и др. Бердяев, по его словам, мог работать в любое время и в любом положении: в голод, холод, во время болезни – при температуре 39 градусов... В октябре 1943 года, в оккупированной немцами Франции, всякий день готовый к аресту и высылке в концлагерь за свои антифашистские убеждения, он завершает очередную книгу. Однажды за скудным завтраком сказал жене Юлии Юдифовне, своему верному другу и помощнику (она не раз то ли в шутку, то ли всерьез повторяла: «Моя профессия – жена философа»): «Сегодня я окончил «Русскую идею». Глава первая – кризис христианства, затем главы о страдании, о страхе, о Боге, о бессмертии... Я привык, что когда пишу новую книгу, следующая уже в голове». Так и случилось. Наутро план следующей книги был готов.

Завершающей творческий и жизненный путь Бердяева

стала книга «Самопознание», опубликованная уже после его кончины, в 1949 году. Это одно из самых ярких его произведений – сплав жизнеописания и биографии духа, откровенный, честный анализ своего «микрокосма», эволюции своих взглядов.

...За год до кончины, в 1947 году Кембриджский университет избрал Бердяева доктором теологии. Весной того же года он получил сообщение из Швеции о том, что выдвигается кандидатом на соискание Нобелевской премии. Но об этом Бердяев сообщает в «Самопознании» как бы между прочим, вскользь. Ибо 1947 год стал для него «годом мучений о России». С огромным разочарованием он увидел, что после завершения победоносной мировой войны в России «свобода не возросла, скорее наоборот. Особенно тяжелое впечатление произвела история с Ахматовой и Зощенкой». Он с горечью пишет о судьбе своих идей на Родине: «Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переведен на много языков... Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, – это моя Родина».

Знали. Тайком читали! Ныне в России книги Бердяева широко переиздаются. Одной из первых была открыто опубликована философская биография «Самопознание» – полумиллионным тиражом! Она стала как бы ключом к «вратам учености» выдающегося русского философа, публициста, гражданина.

Святослав Чумаков

Метафизика пола и любви¹

I

Вопрос о поле и любви имеет центральное значение для всего нашего религиозно-философского и религиозно-общественного мирозерцания. Главный недостаток всех социальных теорий – это стыдливость, а часто лицемерное игнорирование источника жизни, виновника всей человеческой истории – половой любви. С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он так же безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти. Это – проклятый, мировой вопрос, и каждый пытается в уединении, тщательно скрываясь, таясь и стыдясь точно позора, преодолеть трагедию пола и любви, победить половое разъединение мира, эту основу всякого разъединения, последний из людей пытается любить, хотя бы по-звериному. И поразителен заговор молчания об этом вопросе, о нем так мало пишут, так мало говорят, так мало

¹ Глава из книги, представляющей «опыт религиозной философии общности».

обнаруживают свои переживания в этой области, скрывают то, что должно было бы получить решение общее и мировое. Это интимный вопрос, самый интимный из всех. Но откуда стало известно, что интимное не имеет всемирного значения, не должно всплывать на поверхность истории, должно таиться где-то в подполье? Отвратительная ложь культуры, ныне ставшая нестерпимой: о самом важном, глубоко нас затрагивающем, приказано молчать, обо всем слишком интимном не принято говорить; раскрыть свою душу, обнаружить в ней то, чем живет она, считается неприличным, почти скандальным. И в повседневной жизни с людьми, и в общественной деятельности, и в литературе приказывают говорить лишь о так называемом общеобязательном, общепользном, узаконенном для всех, принятом. Нарушение этих правил теперь называют декадентством, раньше называли романтизмом. Но все истинно великое, гениальное, святое в жизни человечества было создано интимностью и искренностью, победившей условность, мистическим обнажением самой глубины души. Ведь в интимной глубине души всегда лежит что-то вселенское, более вселенское, чем на общепринятой поверхности. Всякое новое религиозное учение и новое пророчество было сначала интимно, рождалось в интимной глубине, в мистической стихии, а потом обнаруживалось и завоевывало мир. Что могло быть интимнее религии Христа, как неприлично и не общеобязательно было для языческого мира все, что говорил Христос, за Ним следовала

небольшая кучка людей, но религия эта сделалась центром мировой истории. Правда, и до сих пор считается не общеобязательным, слишком интимным то, о чем говорил Христос, и до сих пор считается неприятным и неприличным вспоминать Христа и слова Его, когда речь идет о жизненных, практических вопросах. Все творчество культуры есть лишь объективация, мировое обобщение субъективно-интимного, совершавшегося в скрытой, таинственной глубине. Вопросу о поле и любви как-то особенно не повезло, он был загнан в подполье, и только художественная литература отражала то, что накоплялось в человеческой душе, обнаруживала интимный опыт. Видно, были глубокие причины, по которым вопрос этот не мог еще получить универсального решения. Но современный религиозный кризис требует решения этого вопроса; религиозный вопрос ныне тесно связан с проблемой пола и любви. Вокруг пола и любви накопился мистический опыт, который все еще остается хаотическим и нуждается в религиозном освещении. Люди нового мистического опыта и нового религиозного сознания требуют, чтобы самое интимное было отныне вытеснено на вселенский исторический путь, обнаружено в нем и определило его.

Над Розановым* смеются или возмущаются им с моральной точки зрения, но заслуги этого человека огромны и будут оценены лишь впоследствии. Он первый с невиданной смелостью нарушил условное, лживое молчание, громко, с неподражаемым талантом сказал то, что все люди ощуща-

ли, но таили в себе, обнаружил всеобщую муку. Говорят, Розанов – половой психиатр, эротоман. Вопрос скорее медицинский, чем литературный, и я считаю недостойным самый разговор на эту тему, но главное в том, что все ведь люди, все люди без исключения, в известном смысле половые психопаты и эротоманы. Какой-нибудь литературный моралист поносит Розанова за то, что тот так открыто пишет о поле, так много говорит о половом вопросе. Но очень возможно, что этот моралист в литературе в жизни сам помешан на поле, что половой вопрос и для него самый мучительный и основной, что он во много раз более эротоман, чем Розанов, но считает неприличным, неприятным это обнаружить, предпочитает писать о всеобщем избирательном праве, хотя вопрос этот, столь общественный, для него внутренне не интересен, в тысячу раз менее важен, чем вопрос о поле. Это я и называю лицемерием, условной литературной ложью, над которой Розанов мужественно сумел подняться. Розанов с гениальной откровенностью и искренностью заявил во всеуслышанье, что половой вопрос – самый важный в жизни, основной жизненный вопрос, не менее важный, чем так называемый вопрос социальный, правовой, образовательный и другие общепризнанные, получившие санкцию вопросы, что вопрос этот лежит гораздо глубже форм семьи и в корне своем связан с религией, что все религии вокруг пола образовывались и развивались, так как половой вопрос есть вопрос о жизни и смерти. Все люди, я утверждаю, что все без ис-

ключения люди в глубине своего существа ощущают то, что Розанов сказал громко, все согласны с Розановым по постановке вопроса (я не говорю о его окончательном решении) и все считают своим долгом лицемерно бросить в него камень. Только тупой или безумный человек может отрицать центральную, религиозную важность проблемы пола; ведь каждый тайно мучился этой проблемой, бился над ее решением для себя, страдал этой мукой полового томления, мечтал о любви, каждый знает ту признанную истину, что все почти трагедии в жизни связаны с полом и любовью. Всем известно, что с полом связана вся наша жизненность, что половое возбуждение носит характер экстатический и творческий. Чем же так смешно или безнравственно «помешательство» Розанова на поле? Правда, ему недостает чувства эстетической меры, но большая часть наших журнальных и газетных обличителей совсем не специалисты по эстетической мере, иначе человечеству грозит гибель от подпольных тайн пола, от внутренней анархии пола, прикрытой внешним над ним насилием. Само появление Розанова – серьезное предостережение. Хаотический пол много бедствий причинил человечеству и готовит бедствия еще большие. Человечество должно, наконец, сознательно и серьезно отнестись к своему полу, к источнику своей жизни, прекратить грязные подмигивания, когда речь заходит о поле.

Христианство не преобразило пола, не одухотворило половой плоти, наоборот, оно окончательно сделало пол хао-

тическим, отравило его. Демонизм пола есть только обратная сторона христианского проклятия пола. Могущественная половая любовь была загнана внутрь, так как ей отказали в благословении, превратилась в болезненное томление, не покидающее нас и до сих пор. Аскетическое христианское учение допускает половую любовь лишь как слабость греховной человеческой природы. Так и осталась половая любовь слабостью, стыдом, почти грязью. Трагическая христианская вера уже умерла в человеческих сердцах, перестала определять ход европейской культуры, а христианские суеверия относительно пола живут еще, отравляют еще кровь нашу нестерпимым дуализмом. Мы почти примирились с тем, что пол греховен, что радость половой любви – нечистая радость, что сладострастие – грязно, и мы спокойно продолжаем грешить, предаваться нечистым радостям и грязному сладострастью, так как нам-де, слабым людям, все равно не достигнуть идеала. Мы стыдимся половой любви, прячемся с ней, не признаемся в своих переживаниях. Поразительно, что антихристианское и антирелигиозное сознание нашего времени близко в иных отношениях, в раздвоенности своей, в ложной аскетичности, к средневековому христианству, хотя бесконечно далеко от Христа и лишено средневекового трагизма. Люди нашего времени не верят в радость небесную и даже не тоскуют по небу, но радость земная, радость половой любви остается у них без благословения. Пол для людей нашего времени так же демоничен, как для людей сред-

невековья. Возьмем для примера хотя бы Пшибышевского, отравленного демонизмом пола, проклятием пола. Да и вся почти новая литература пишет о том, как демоничен пол, как не может с ним справиться современный человек. Поистине, трагедия пола есть самое страшное в жизни, и половая любовь не может быть оставлена на произвол судьбы; она нуждается в религиозном освящении и религиозной организации. Слова Христа о поле и любви остались не поняты, не вменены, и пол выпал из господствующего христианского сознания, сделался достоянием эзотерических учений. Господствующее религиозное сознание поставило проблему пола в зависимость от вульгарного дуализма духа и плоти, связало ее с греховностью плоти, и это была не только моральная, но и метафизическая ошибка. Ведь плоть столь же метафизична и трансцендентна, как и дух, и плотская половая любовь имеет трансцендентно-метафизические корни². Так называемая христианская семья есть лицемерная ложь, языческий компромисс, подобный христианскому государству. Хаос пола так же бушует под покровом семьи, как он бушевал в крови средневековых отшельников.

Весь Розанов есть реакция на христианскую отраву пола, восстановление первоначальной святости пола. Вне христианства, вне неустанной борьбы с христианским аскетизмом Розанов не мыслит, не имеет *raison d'être*. С полом связа-

² См. мою статью «О новом религиозном сознании» из сборника «*Sub specie aeternitatis*».

на для Розанова жизнь; христианство, враждебное полу, для него – синоним религии смерти и потому ненавистно. Розанов хочет вернуться к тому религиозному состоянию, которое было до явления Христа в мире, к древнеязыческим религиям, к религии рождения, к религии Вавилона по преимуществу. Но он забывает, что не христианство выдумало трагедию пола и трагедию смерти, что явление Христа потому и было неизбежно, что в основе мировой истории лежала эта трагедия, что античный мир с великой своей культурой погиб так трагически, так постыдно выродился. Положительное учение Розанова зачеркивает христианский период истории, как злое недоразумение и бессмыслицу, и зовет назад, к первобытному обоготворению рода. Розанов все еще смешивает пол с родом, видит лишь пол рождающий, не понимает глубокого внутреннего антагонизма между утверждением пола и рождением, не замечает двух стихий в поле – стихии личной и стихии родовой. Вот почему у Розанова нельзя найти творческого решения проблемы пола.

В истории мировой философии я знаю только два великих учения о поле и любви: учение Платона и Вл. Соловьева*. «Пир» Платона и «Смысл любви» Вл. Соловьева – это самое глубокое, самое проникновенное из всего, что писалось людьми на эту тему. Платон жил до явления Христа в мир, но постиг же трагедию индивидуальности, ощутил уже тоску по трансцендентному и прозрел соединяющую силу божественного Эроса, посредника между миром здешним и ми-

ром потусторонним. По учению Платона, облеченному в мифологическую форму, пол есть результат разрыва в первоначальной, единой и могучей человеческой природе, распада индивидуальности на две половины, любовь есть томительное желание воссоединения в целую индивидуальность. Платон постиг с гениальной, божественной мощью различие между Афродитой небесной и Афродитой простонародной, любовью божественной, личной, ведущей к индивидуальному бессмертию, и любовью вульгарной, безлично-родовой, природной. В Афродите небесной Платона уже чувствуется дыхание христианского Эроса, таинственного и по сию пору, средневекового романтизма и глубочайшего, возможного лишь после Христа учения Вл. Соловьева о любви как о пути к индивидуальному бессмертию. Вл. Соловьев устанавливает противоположность между индивидуальностью и родом. Любовь родовая, рождающая, дробящая индивидуальность, есть для него Афродита вульгарная, подчинение природной необходимости. Истинная любовь всегда лична, завоевывает вечность, индивидуальное бессмертие, она не дробит индивидуальности в рождении, а ведет к полноте совершенства индивидуальности. Во всем вероучении Вл. Соловьева центральное место занимает культ вечной женственности, любви к Богу в конкретной форме любви к «Прекрасной Даме». Отвергая род и рождение, Вл. Соловьев принадлежит новому религиозному сознанию, подходит к новому религиозному учению о любви, но не доходит до конца.

Он наш прямой предшественник.

II

В мире борются два враждебные метафизические начала — личное и родовое. И проблема пола и любви должна быть поставлена в связь с борьбой этих двух начал, ныне обострившейся и обнажившейся. Трудность всех вопросов, связанных с половой любовью, в том и заключается, что в мировой истории половой любви тесно переплетаются два противоборствующие начала — любовь личная и любовь родовая, сила сверхприродная, божественная и сила природная, эмпирическая связанность. Слишком часто смешивают пол с родом, любовь с родовым инстинктом. Но в роде и родовом инстинкте нет ведь ничего личного, индивидуально-го, ничего даже человеческого, это природная стихия, одинаковая у всех людей и общая у мира человеческого с миром животным. Любви, как индивидуального избрания, как своеобразного влечения полов, отличающего не только человека от животных, но и каждого человека от других людей, божественного Эроса нет и быть не может в стихии рода. Так называемая родовая любовь и родовое утверждение пола потому унижают человека, что отдают лицо человеческое во власть безличной природной стихии, личность находится тут в обладании разрушающей ее естественной необходимости. Биология устанавливает обратную пропорциональность

между рождаемостью и индивидуальностью. Если органические силы идут на продолжение рода, то они естественно убывают для создания совершенной индивидуальности. Эта биологическая истина имеет и более глубокую метафизическую основу. Есть дилемма: или создание совершенной, вечной индивидуальности, или дробление индивидуальности и создание многих несовершенных и смертных индивидуальностей. Человек не в силах стать личностью, индивидуальностью, достигнув совершенства и вечности, и потому как бы передает потомству своему дальнейшее совершенствование, в рождении заглушает муку неосуществленной индивидуальности, непреодоленного разрыва, недостигнутой вечности. Родовая половая любовь дробит индивидуальность, стремится к бессмертию рода, к созданию многих несовершенных существ, а не одного совершенного существа, к плохой бесконечности³, к вечному возвращению. Истинная любовь, преодолевающая пол, должна направить всю человеческую энергию вглубь и вглубь вечности, а не во вне и вперед во времени. С родовым полом был связан этот ложный культ будущего, эта лжепрогрессивность.

Рождение и смерть – одной природы, имеют один источник. Уже Гераклит учил, что Гадес и Дионис один и тот же бог. И рождение и смерть одинаково – продукты мирового распада, дети времени, царства временности в мире. Бытие, отпавшее от своего источника и смысла, делается прежде

³ Выражение Гегеля.

всего временным, вытягивается в хронологический ряд, в котором вечная смена рождения и смерти, плохая бесконечность. Ни одно существо испорченного мира не вечно, все части мира, все состояния мира временны, тленны. Когда сказано было рожать в муках, то этим было сказано и умирать; плодить в мире несовершенство и смерть по закону природной необходимости. Рождение есть уже начало смерти; истина эта подтверждается опытом всей природы и слишком очевидна. Рождение по самому существу своему есть дробление индивидуальности, распадение ее на части, есть знак того, что индивидуальность не может достигнуть совершенства и вечности и как бы предлагает своей части продолжить за нее дело совершенствования, как бы заменяет достижение единого успеха в вечности множественными успехами во времени. Родовое начало и любовь для продолжения рода – продукты смертности и испорченности природы и вместе с тем укрепление и узаконение смертности, торжество закона тления. Родовая половая любовь есть кажущееся, иллюзорное преодоление разрыва полов; единая и полная, совершенная и вечная индивидуальность в ней не достигается. Половое томление в стихии рода делается игрушкой безличной, природной силы, никогда этого томления не разрешающей, а бесконечно продолжающей во времени, в новых и новых формах. Между полом и любовью и родом и рождением существует коренная, не эмпирическая только, а метафизическая противоположность. Утверждать пол в любви –

значит утверждать полноту и совершенство индивидуальности, завоевывать вечность, хорошую бесконечность; утверждать стихию рода в родовом инстинкте – значит дробить индивидуальность, завоевывать несовершенное и смертное во времени, плохую бесконечность. Томление пола и тайна любви – в жажде преодолеть трагический разрыв полов, мистическим слиянием достигнуть вечной, совершенной индивидуальности. Совершенная индивидуальность не рождает и не умирает, не создает никаких последующих мигнов. Когда говорят: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!», – то этим хотят сказать, что прекрасное в своем совершенстве не должно рождать чего-нибудь иного, должно остаться навеки таковым, что только недостаточно прекрасное и совершенное мгновение должно замениться другим. Совершенный мир не должен продолжаться в чем-либо ином, не должен ничего рождать, он остается для вечности, остается самим в себе. Все совершенное и безмерно-прекрасное есть достояние вечности, не дробится, не продолжается в рождении из себя несовершенных частей. Родовая половая любовь и есть, применяя терминологию Платона, Афродита вульгарная, простонародная, земная Афродита. И, увы! огромной части человечества знакома только вульгарная Афродита, так как находятся люди во власти рода, природной необходимости, естественного рабства, и сама мечта об Афродите небесной иным кажется почти безнравственной, противоестественной, безумно-романтической. Организовать добро-

порядочную, половую любовь, хорошо продолжить род человеческий – вот предел желания самых радикальных людей. Люди очень консервативны в вопросе о поле и любви; традиции, старые чувства и инстинкты правят ими, и корень этого консерватизма во власти рода. Позитивисты не знают иной любви, кроме родовой, только пол рождающийся понимают, только об изменении форм семьи заботятся. Теория любви Шопенгауэра, очень близкая к теории Дарвина, есть только выражение консервативной власти рода, играющего людьми, зло иронизирующего над индивидуальностью.

Пол – это то, что должно быть преодолено, пол – это разрыв. Пока остается этот разрыв – нет индивидуальности, нет цельного человека. Но преодоление пола есть утверждение пола, а не отрицание, есть творческое соединение полов, а не отворачивание от полового томления. Нужно утвердить пол до окончательного его преодоления, до исчезновения полов, до соединения в единый дух, в единую плоть. Это, конечно, нельзя понимать так, что каждая монада, мужская и женская, перестает существовать самостоятельно; ей присуще самостоятельное бытие, и она достигает в слиянии полноты. Пол имеет природу духовную и плотскую, в нем скрывается метафизика духа и метафизика плоти. Пол – не физиологической и не эмпирической природы, в нем скрыты мистические глубины. Ведь мистическую диалектику пола усматривают даже в самой природе Божества. Весь мировой процесс коренится в поле; потому мир сотворился и продолжа-

ется, что в основе его лежит пол, что мистическая стихия мира расцеплена, разорвана, полярна. Метафизическая, духовно-плотская полярность напоила мир половым томлением, жаждой соединения. Полярность эта сказывается и в учении о вечной женственности, женственности мировой души, учении, столь близком христианской мистике, почувствованном уже Соломоном в «Песни песней», основанном в символике Апокалипсиса⁴. Очень характерен чувственно-эротический культ Девы Марии у средневековых мужчин и такой же культ Христа у средневековых женщин. Окончательное преодоление пола, соединение полов есть не только слияние противоположных человеческих половин, но также и слияние с вечной женственностью и с Божеством. Эрос – есть путь к индивидуальности и путь к вселенскости. Но какой Эрос?

⁴ У Вл. Соловьева очень интересна религиозно-философская концепция мировой души как вечной женственности. Против Соловьева можно было бы возразить, что это слишком мужская философия и религия. Для женщин эротическое отношение к божеству должно окрашиваться в цвет культа вечной мужественности. Не обращается ли божество разными своими сторонами к разным человеческим полам. В «Смысле любви» он говорит: «Абсолютная норма есть восстановление целостности человеческого существа, и нарушается ли эта норма в ту или другую сторону, в результате во всяком случае происходит явление ненормальное, противоестественное. Мнимодуховная любовь есть явление не только ненормальное, но и совершенно бесцельное, ибо отделение духовного от чувственного, к которому она стремится, и без того наилучшим образом совершается смертью. Истинная же духовная любовь не есть слабое подражание и предварение смерти, а торжество над смертью, не отделение бессмертного от смертного, вечного от временного, а превращение смертного в бессмертное, восприятия временного в вечное. Ложная духовность есть перерождение, спасение, воскресение».

Любовь родовая не есть соединяющее утверждение пола, она продолжает лишь дробление. Только личная половая любовь стремится к преодолению разрыва, к утверждению индивидуальности, к вечности, к бессмертию. Это – Афродита небесная. Только личная, вне родовая любовь, любовь избрания душ, мистическая влюбленность и есть любовь, есть подлинный Эрос, божественная Афродита. Личная любовь, Афродита небесная – сверхприродна, объявляет войну смерти и необходимости, она враждебна роду, дроблению индивидуальности, не рождает в своем совершенстве, жаждет индивидуального слияния и вечности, с ней связана тайна индивидуальности и бессмертия. Вл. Соловьев учит, что мистическая влюбленность в высшем своем подъеме не будет вести к рождению, к дроблению, а приведет к бессмертию индивидуальности, она провидит тут биологическое преобразование, изменение «роковых» физиологических законов. По Соловьеву, только любовь нуждается в бессмертии, любовь есть высшее содержание жизни, окончательная полнота бытия, действительность индивидуальности. Но Афродита небесная, личная, противоположная роду любовь, – не отвлеченно духовная и бесплотная, она воплощена, полнокровна, конкретно-чувственна в такой же степени, как и духовна. Это признавал и Вл. Соловьев.

Но любовь по природе своей трагична, жажда ее эмпирически неутолима, она всегда выводит человека из данного мира на грань бесконечности, обнаруживает существование

иных миров. Трагична любовь потому, что дробится в эмпирическом мире объектов любви, и сама любовь дробится на оторванные, временные состояния. Есть болезнь, которая носит название фетишизма в любви. Об этом явлении говорит и Соловьев в своей статье «Смысл любви». Болезнь эта состоит в том, что предметом любви делается не цельный человек, не живая, органическая личность, а часть человека, дробь личности, например, волосы, руки, ноги, глаза, губы вызывают безумную влюбленность отдельная, отвлеченная от сущности часть превращается в фетиш. При фетишизме ощущение личности любимого теряется, индивидуальности человека не видно. Этой болезнью фетишизма в любви больны в большей или меньшей степени все почти люди нашего времени. Любовь, в которой объект любви дробится и сама она распадается на преходящие миги, всегда есть фетишизм в любви, болезнь нашего духа и нашей плоти. Любовь исключительно плотская, физиологическая, столь распространенная в нашем мире, есть фетишизм, так как в ней нет ощущения полной личности, всецелой индивидуальности. Любовь к отдельным сторонам духа и плоти, к оторванным частям, к прекрасным глазам и чувственным губам, к духовному аромату отдельных черт характера или обаянию ума – тоже фетишизм, тоже потеря ощущения личности. Единый объект любви, органический идеал, родная душа, мистически предназначенная полярная половина эмпирически раздробляется: в массе женщин для мужчин, в массе мужчин –

для женщин видятся разорванные черты органического объекта – там глаза, здесь руки, там душа, здесь ум и т. д. и т. д. Ведь нужно открыто заявить, что мужчины в известной мере влюблены в слишком многих женщин, женщины – в слишком многих мужчин, все почти во всех почти в известном смысле влюблены, неутолимая жажда мучить людей и любовное томление не имеет предела. В этом нет ничего морально предосудительного, но страшная трагедия скрыта в этой болезни любовного фетишизма, в этом дроблении любви и ее объекта. У каждой души есть своя предназначенная в мире, единственная родная душа, дополнение к цельной индивидуальности, а в здешней жизни душа человека растрчивает свою божественную силу Эроса по миллиону поводов, на неуловимые дробные части ее направляет, практикует фетишизм. Дон-Жуанство и есть потеря личности в любви, сила любви, без смысла любви. Ведь смысл любви (не родовой любви) в мистическом ощущении личности, в таинственном слиянии с другим, как своей родной полярной и вместе с тем тождественной индивидуальностью. Любовь решает то, что немцы называют Du-Frage, проблему перехода одного существа к другому и всему миру, выхода из своей ограниченности и оторванности. Этот великий смысл любви разрушается любовным фетишизмом, дроблением, потерей ощущения своей личности и ощущения другой личности. Преодоление фетишизма есть путь к индивидуальному бессмертию, к реально-мистическому ощущению и утвер-

ждению личности. Трагически страшна эта уединенность человека от человека, эта пустая бездна между любящими и близкими, это «мы с тобой так странно близки и каждый из нас одинок». Современная литература (с особенной силой – Мопассан) изображает это безумное одиночество человека, этот солипсизм, разрыв с «ты», с реальностями мира. Только сила Эроса может вывести из этого одиночества, но Эроса не дробимого, ощущающего всецелость личности, божественная сила индивидуально-мистической любви. Нужно найти и полюбить свое другое «я», живую, цельную личность, и тогда оторванность от всякой реальности мира уже прекращается. Полюбить нужно не для образования родовой семьи, всегда эгоистически замкнутой, миру противоположенной, личность поглощающей, а для мистически-любовного слияния всех существ мира, всех вещей мира.

III

Христос осудил род и родовую любовь, семью и родовой строй жизни, осудил Афродиту простонародную, безличную, природную. Люди не должны соединяться природной необходимостью, связью безлично-родовой, ибо тот брат, и сестра, и мать, кто исполняет волю Отца Небесного. Не в лоне безличной, бессмысленной и насильственной природы должно произойти любовное слияние людей, а в лоне Отца Небесного, где все осмысленно, и индивидуально, и свобод-

но. Христос учил, что дети Божьи должны соединяться не по образу звериной природы, в которой всякое лицо человеческое исчезает, а по образу природы Божьей, в которой лицо и свобода утверждаются. Христос учил о божественном Эросе, об Афродите небесной, которую почувствовал уже Платон, но учение Христа о любви осталось таинственным и непонятным, не «вместилось». Что значат эти странные слова «могущие вместить, да вместит»? Слишком известно, как слова эти были истолкованы ограниченным сознанием исторического христианства. Подумали, что Христос говорил об аскетизме, об отрицании пола и любви, о воздержании, проповедывал скопчество. Этот аскетический подвиг не считали уделом всех людей, не все могли «вместить», а лишь избранные, посвящающие свою жизнь Богу. На почве этого толкования выросли черные цветы средневекового монашества и вся эта мучительная борьба с искушениями Афродиты. Но это толкование слов Христа вытекало из одностороннего характера, который получало христианство в истории, в нем сказалась мистическая вражда к плоти и земле. Христианский аскетизм был антитезисом в мистической диалектике бытия и потому не мог вместить учения о творческой роли Эроса в преображении земли и мировой плоти, о все-ленском соединении людей новой любовью. Миссия христианского аскетизма была чисто отрицательная, сознание греховности рода, природы и униженности природно-родовых инстинктов.

Но наступают времена, когда пора уже понять, что значили слова Христа. Не говорил ли Христос о новой любви, об Афродите небесной, о божественном Эросе, который не все могут «вместить». Могущий вместить новую любовь, да вместит ее. Эрос, о котором так таинственно учил Христос, которым хотел соединить людей в Боге, – не родовая любовь, а личная и соборная, не природная любовь, а сверхприродная, не дробящая индивидуальность во времени, а утверждающая ее в вечности. Медленно и незримо вошел божественный Эрос в мир, он предощущается уже до явления Христа, лишь отчасти в религиозных таинствах язычества, главным же образом Платоном, но и после Христа он не завоевал еще мира, в мире все еще соединялись люди родовой любовью, природной необходимостью или аскетически отрицали пол и отвергали всякую любовь. Ведь христианская любовь не есть альтруизм, выдуманный в XIX веке, не есть буддийское сострадание, в котором ничто положительное еще не утверждается, не есть простой моральный долг по отношению к ближнему. Христова любовь – гораздо большее, несоизмеримо более положительное. Одно несомненно: Христов Эрос есть положительное мистическое влечение, мистическая влюбленность, мистическое радование. Христос не ветхозаветную только заповедь утвердил, но и новую заповедь любви дал, новому соединению учил. Первоначальной христианской общине была знакома радость христианского Эроса, и радость эта знакома всякой подлинной любви, которая

всегда есть положительное соединение, а не отрицательное соболезнавание. Буддийское и пессимистическое учение о любви как сострадании и жалости в сущности связано с атеизмом, с неверием в радостный смысл мира. Любовь Марии или грешницы ко Христу не была жалостью и альтруизмом, а мистическим влечением и радованием, подлинным Христовым Эросом. Тот же Эрос – в средневековом культе Мадонны, в средневековой влюбленности в Христа, столь, казалось бы, противоположных аскетическому фону жизни. А наша любовь к Богу есть образец всякой любви, так нужно и людей любить. Бога нельзя жалеть, нельзя к нему относиться «альтруистически», и совершенная любовь к людям есть восхищение, любование, влечение. Любовь к людям, всякая любовь есть лишь эмпирический образ единой любви к Богу, единого божественного восторга и радости, любви к эманлирующей частице Божества. Любовь нарождается, когда начинается восхищение, любование, когда лицо радуется, влечет к себе, когда прекращается уединенность, оторванность, эгоистическая замкнутость и самодовольство. Альтруистическая мораль, которую нам преподносят вместо Христовой любви, не преодолевает разрыва между людьми, внутреннего распада, она – холодна и мертва, «стеклянная» любовь, по удивительному выражению Розанова. Безличной, заказанной, только человеческой любви не может быть. Христова любовь – это прежде всего ощущение личности, мистическое проникновение в личность другого, узнавание своего

брата, своей сестры, по Отцу Небесному. В Христовой любви отношения равные, и ничье достоинство не умаляется. Вместе с тем Христов Эрос связан с полом, этим первоисточником всякого разрыва и всякого соединения. Христов Эрос не бесполой и не бесплотный, не «импотентно-моральный», как выражается Вл. Соловьев, он преобразует плоть и преодолевает пол, утверждая его сверхприродно. Могущий вместить, да вместит новую плоть любви, но не настали еще времена для вмещения ее в коллективной жизни человечества. В истории мы видим смесь родовой, безличной любви с бесплотным аскетизмом. Эрос пробивался в виде ручейков, а не большого потопа. Новое религиозное сознание и религиозное творчество связаны ныне с Эросом, с религиозным решением проблемы пола и любви. И остается исходной истиной, что Христос приходил в мир победить смерть, а следовательно, и рождение, утвердить индивидуальность в вечности, а следовательно, отвергнуть дробление индивидуальности в продолжении рода во времени.

Но христианство создало не только монашеский аскетизм, отрицание пола и любви, не только противное духу Христову оправдание родовой семьи, – из христианства вышел романтизм и рыцарский культ Прекрасной Дамы. Романтизм немислим до Христа и вне Христа, хотя условно и говорят о романтизме увядающего античного мира. Романтизм – хранитель личного начала в поле и любви, это начинающаяся новая личная любовь, томление по бессмертной индивиду-

альности в любви. Новое учение о любви, связанное с новым религиозным сознанием, может искать своих истоков не в безличном аскетизме, а в романтизме. Романтизм уже отрицает род, семью, размножение и ищет личного в любви, жаждет утвердить индивидуальность, томится по бессмертию. В рыцарском культе Прекрасной Дамы, в любви к Деве Марии, прекраснейшей, как бы является уже в мире Афродита Небесная и восстает личность в своей сверхприродной и внеприродной сущности, зародилась новая, невиданная еще, лишь предчувствуемая любовь. Лишь средние века создали культ женственности, чуждой античному миру, поклонявшемуся мужественности. И это был культ вечной женственности – божественного начала, это любовь к Божеству своему в конкретно-чувствительной форме, тут личное сплетается мистически со вселенским. Романтическая, рыцарская любовь в потенции своей есть любовь личная и вселенская и побеждает она родовое начало, враждебное личному и вселенскому. Средние века, вновь ставшие нам родными и понятными, были и самой аскетической и самой чувственной эпохой: аскетическое отвержение земной плоти окрасило небо в чувственно-эротический цвет, отношение к Христу, к Богоматери, сами божественные отношения на небе получили половую окраску. Слишком часто забывают, что средневековая религиозная жизнь была полна чувственной красоты, была пропитана Эросом. Средневековый культ Мадонны, образа вечной женственности, был началом невиданной

еще в мире любви, это религиозный корень, из которого вырастала любовь к Прекрасной Даме, к конкретному образу божественной силы. Любовь Данте к Беатриче – чудесный факт мировой жизни, прообраз новой любви. В XIX веке подходит на нее любовь Огюста Конта к Клотильде Де-Во. Значение романтизма в истории Эроса в мире тем и огромно, что в нем отрицалось родовое, природно-безличное утверждение плоти в любви и вместе с тем отвергался и аскетизм, отрицающий всякую плоть, всякую любовь. Романтизм полон чаяниями преображения плоти, новой духовной и плотской любви, утверждает высшее божественное достоинство личности. В любовном сродстве душ, в индивидуальном избрании, о котором говорит Гёте, совершается как бы слияние с женственной душой мира, интимное, конкретное, чувственное общение с божеством. Романтизм полон предчувствий и предзнаменований, но остается только томлением, в нем нет еще подлинного мистического реализма, так как не настали еще времена для реализации новой, божественной любви в мире, не все еще открылось. И нам нужно теперь не возвращаться назад к романтизму, а идти вперед от романтизма. Но в правде и красоте романтизма нет этого беса земного продолжения и устроения человеческого рода, нет этого рабства у времени, есть могучее устремление к вечности, есть ощущение личной чести и достоинства.

IV

С родовым безразличным половым началом, а не любовью, не Эросом, не небесной Афродитой связаны были все формы семьи, и формы собственности, и все социальные формы соединения людей. Вопрос о поле потому и имеет такое безмерное значение, что вокруг него, вокруг семейственного пола образовалась и развивалась собственность. Эта нестерпимая власть собственности имеет свой корень в родовом поле. Во имя рода, оформленного в семью, во имя продолжения и укрепления рода накоплялась собственность и развивались ее инстинкты. Это может быть научно установлено, хотя понятие рода я употребляю в более широком смысле и придаю ему метафизический характер. Семья и собственность, тесно между собой связанные, всегда враждебны личности, лицу человеческому, всегда погашают личность в стихии природной и социальной необходимости. Бес родовой необходимости шутит злые шутки над достоинством и честью человеческого лица, подчиняя человека призраку родовой любви. О шутках этих много научно рассказал Дарвин, а метафизически Шопенгауэр. Мне кажется, что научная социология недостаточно еще поняла связь всех социальных форм общежития с родом. Весь этот безличный, давящий механизм социального строя выдуман во имя утверждения рода, к смене рождения и к смерти при-

способлен. Семейная ячейка, хотя и не в форме патриархата, как думали раньше, а в формах очень далеких от современной моногамической семьи, есть основа безличной, родовой, необходимой общественности, из нее развивались сложные формы социального и государственного бытия, столь же безличные. Вопрос о росте народонаселения есть основной социологический и экономический вопрос, а рост народонаселения связан с полом и родовой любовью. Урегулирование роста народонаселения, столь необходимое для экономического благополучия человечества, есть урегулирование пола, есть изменение в стихии родовой любви. Слишком несомненно, что социальный вопрос, так болезненно мучающий нашу эпоху, не может быть решен иначе, как в связи с проблемами пола и любви. Личное начало восстает против рода, против роста народонаселения, против собственности, против семьи, и останавливается наше поколение в мучительном недоумении перед вопросом: может ли быть соединение человечества не в роде, не по необходимости, не безличное соединение, а мистический, сверхприродный организм, возможна ли новая соединяющая любовь, возможно ли превращение человеческого рода в Богочеловечество? Проследим связь социальных проблем с полом и любовью на так называемом «женском вопросе», в такой же мере и мужском.

Ведь женский вопрос, который сейчас рассматривается в связи с социальным, и есть вопрос половой. Женский вопрос решается той или иной метафизикой пола, а социаль-

но-экономическая его сторона производна. Эмансипационное женское движение, конечно, включает в себе великую правду, как и всякое движение, освобождающее от рабства. Недостойно спорить о том, что раскрепощение женщины от власти мужа, уничтожение гнетущей зависимости от семьи, высвобождение личности в женщине есть благо и справедливость. Это элементарно, и такая отрицательная постановка этого вопроса мало нас интересует. Пусть женщина будет экономически независима от мужчины, пусть будет ей дан свободный доступ ко всем благам культуры, пусть личное начало в женщине восстанет против рабства семьи, пусть права женщины будут ничем не ограничены, — осуществление всех этих благих свобод не затрагивает сущности женского вопроса, не дает положительного решения. А в женской эмансипации, как она проявляется в современную эпоху, есть и обратная сторона: этому мировому движению присуща ложная тенденция, разрушающая самые прекрасные мечты, мистические грезы о божественном Эросе, об Афродите небесной. Женское движение, несмотря на справедливую свою сторону, в основной тенденции своей направлено против смысла любви, оно проходит мимо глубин пола, создает поверхностное, иллюзорное бытие.

Женское эмансипационное движение покоится на том предположении, что мужчина есть нормальный человек, полная индивидуальность, что он не пол, не половина индивидуальности, что нужно походить на мужчину, чтобы стать

человеком. Отсюда следует, что цель женского движения и всякого прогрессивного решения женского вопроса только в том, чтобы сделать из женщины мужчину, уподобиться мужчине, во всем подражать мужчине, только тогда и женщина будет человеком, полной индивидуальностью. На этом покоится не только феминистское движение в узком смысле слова, но и всякое движение, подчиняющее женский вопрос социальному, по этому шаблону рассуждают и социал-демократы, тоже ведь принимающие мужчину за тип нормального человека. Обезьянить мужчину, стать мужчиной второго сорта, отречься от женского начала – вот в чем полагают честь женщины передовые борцы женской эмансипации. В этом смысле женская эмансипация есть принижение достоинства женщины, отрицание высшего и особого призвания женщины в мире, признание женственности лишь слабостью, недоразвитостью, безличностью и порабощением. Только мужественность признают началом истинно человеческого и высшим, за женственностью же не признают никаких прав, кроме права во всем подражать мужественности, сделаться обезьяной мужского начала. Освобождение женственности понимают как отречение от женственности, как окончательное упразднение женской индивидуальности и женского назначения в мире. Но освобождение слишком дорого стоит, если оно уничтожает то, что должно быть освобождено, – в данном случае уничтожает женщину, женственность как особую в мире силу. И создаются продукты вто-

рого и третьего сорта, мир наполнен плохими копиями мужчин, бесполоыми существами, потерявшими всякую индивидуальность, подражателями во всем. Конкретный образ вечной женственности искажается все более и более, теряет красоту свою, заражается всеми мужскими пороками, принятыми за человеческие добродетели. В мужской сфере женщина ничего великого до сих пор не создала и никогда не создаст; все, что она делает мужского, носит на себе печать посредственности, среднего качества. К мужской деятельности женщин относятся очень снисходительно, удивляются самому малому; созданное женщиной в политике, в науке, в литературе стараются приравнять к тому, что создает мужчина средних дарований, но подобная снисходительность очень оскорбительна для достоинства женщины. Софья Ковалевская была недурным математиком, как средне-хороший математик мужчина; но она женщина, и потому все удивляются ее математическому таланту: от женщины ничего подобного нельзя было ожидать. Но ведь женщина не ниже мужчины, она по меньшей мере равна ему, а то и выше его, призвание женщины велико, но в женском, женственном, не в мужеском. В русском революционном движении женщина играла огромную роль, но потому только, что движение это не было мужской политикой, потому только, что женщина вносила в это движение женственное начало, что-то свое, а не подражала мужчине. Теперь изменился характер движения, мужская политика царит и политическая роль женщины

слишком часто становится смешной и жалкой. Все эти де-
вицы из зубо врачебных курсов, потерявшие облик женщи-
ны, с истерической торопливостью бегающие на все сходки
и митинги, производят отталкивающее впечатление, это су-
щества, не имеющие своего «я», обезьяны, мужчины третье-
го сорта. Неэстетичность, надругательство над вечной жен-
ственностью – вот в чем осуждение современных эмансипи-
рованных женщин, набрасывающихся с подражательным да-
ром на мужские дела. Глаза этих женщин, отрекающихся от
начала вечной женственности, слишком быстро становятся
подслеповатыми от несоответствующих их назначению заня-
тий, и они надевают очки, превращаются в символ обезьян-
ничества, искажающий природу женщины. Женщина как бы
уже не хочет быть прекрасной, вызывать к себе восхищение,
быть предметом любви, она теряет обаяние, грубеет, зара-
жается вульгарностью. Женщина не хочет быть прекрасным
творением Божиим, произведением искусства, она сама хо-
чет создавать произведения искусства. Это глубокий кризис
не только женского бытия, но и всего человеческого бытия, и
связан он с крушением родового начала, с обострением про-
блемы личности.

Родовой быт во всех своих видах и формах видел назна-
чение женщины в рождении детей. С образованием монога-
мической семьи на основе родовой же призвание женщины
полагали в семье, в детях, в воспитании рода. Семейно-ро-
довой взгляд на женщину признает своеобразие женщины

и особенность ее назначения, но всегда враждебен личному началу в женщине, всегда угнетает и порабощает человеческое лицо женщины. Женщина рождает в муках и становится рабой безличной родовой стихии, давящей ее через социальный институт семьи. Семья калечит личность не только женщины, но и мужчины, так как представляет интересы рода и родовой собственности. Родовая семья – могила личности и личной любви, в среде этой чахнет Эрос. Личность восстала, наконец, против рода и семьи, против природного рабства, закрепляемого рабством социальным, но сознание личности осталось неясным, ощущение личности приняло ложное призрачное направление. Женщина справедливо пожелала стать личностью, человеком, а не орудием родовой стихии, не рабой безличной семьи. Но где искать утверждение личности, где человек? Полной человеческой индивидуальности нет, пока не преодолен пол; от решения проблемы пола, от соединения полов, половинок зависит судьба личности. Нельзя стать личностью, осуществить индивидуальность по ту сторону вопроса о поле и любви. Мужчина не только не есть нормальный тип человека, но и вообще не человек еще сам по себе, не личность, не индивидуальность без любви. Мужчина только пол, половина, он продукт мировой разорванности и разобщенности, осколок цельного бытия. И женщина – пол, половина, тоже осколок. Относительно женщины это достаточно признано, но выход из этого полового, половинчатого, разорванного состояния почему-то видят

в том, чтобы превратить женщину в мужчину, уподобить ее мужчине, то есть тоже половине, части человека. Желание походить на мужчину и есть ложное ощущение личности в женщине⁵. Эта ложная тенденция видит утверждение личности в бесполости, в уничтожении половой полярности, в как можно большем сходстве между мужчиной и женщиной. Передовое сознание нашего времени думает, что быть личностью значит быть бесполом, не быть ни мужчиной, ни женщиной, потерять ощущение половой разорванности и полярности. Сознание это целиком пребывает в старых категориях родового утверждения пола или аскетического его отрицания. У современных прогрессистов мы встречаем странную смесь утверждающегося родового инстинкта с половым аскетизмом, но Эроса божественного, но Афродиты небесной не видим. Что случилось с платоновским учением о любви, со средневековым культом вечной женственности, с рыцарским поклонением Прекрасной Даме, с грезами романтиков? Кто разгадал Эрос христианский? Мы видим старую силу родовой семьи, под которой погребено было человеческое лицо, и новую силу женской эмансипации, искажающей саму идею личности и приходящей с закрытыми глазами мимо вопроса о поле и любви. Пол по-новому нужно утверждать, чтобы преодолеть его, чтобы прийти к соединению в полной, цельной индивидуальности.

⁵ С ложным ощущением личности связано также превращение мужчины в женщину. И тут скрывается кризис рода.

В Боге вечный образ человеческого лица, индивидуальности, занимающей свое место в мистической иерархии, а в мире, отпавшем от Бога, все разорвано, разъединено, отвлечено и нет осуществленной личности. Половая полярность есть основная форма разъединения, потери личности, и половое слияние есть основная форма соединения, утверждения личности. Но мистическая тайна полового соединения в том и заключается, чтобы не попасть в рабство безликого родового инстинкта, не поддаться хитрости греховной природы, а найти органическое дополнение к своему вечному образу в Боге, осуществить в любви идею Божью, то есть индивидуальностью, завоевать бессмертие. Это глубже всех понял Вл. Соловьев, но не все отсюда сделали выводы⁶. Мистический смысл половой любви повелевает не механически уравнивать и уподоблять мужчину и женщину, а, наоборот, высвободить и утверждать начало мужественности и начало женственности и искать личности в слиянии и взаимном дополнении этих полярных начал, тяготеющих друг к другу. Половина не может стать целым, сделать женщину мужчиной или наоборот и таким образом реализовать личность. Бесплодие и отрицание женственности, как особого, имеющего свое назначение начала, есть путь к обезличиванию, и на пути этом индивидуальность никогда не будет найдена.

Женщина, в полярной своей противоположности мужчине, имеет свое индивидуальное призвание, свое высокое на-

⁶ К этому взгляду был близок Рихард Вагнер.

значение. Призвание это я вижу не в рождении и вскармливании детей⁷, а в утверждении метафизического начала женственности, которое призвано сыграть творческую роль в ходе всемирной культуры, в осуществлении смысла всемирной истории. В охранении своеобразной силы женственности – честь и достоинство женщины, равное чести и достоинству мужчины. Равенство мужчины и женщины есть равенство пропорциональное, равенство своеобразных ценностей, а не уравнивание и уподобление. Ведь могут быть равны по достоинству и по величию философская книга и статья, научное открытие и картина. Назначение женщины – конкретно воплотить в мир вечную женственность, то есть одну из сторон божественной природы, и этим путем вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе. Дело это не меньше и не хуже всех мужских дел. Женщина должна быть произведением искусства, примером творчества Божьего, силой, вдохновляющей творчество мужественное. Быть Данте – это высокое призвание, но не менее высокое призвание – быть Беатриче; Беатриче равна Данте по величию своего призвания в мире, она нужна не менее Данте для верховной цели мировой жизни. Сила женственности играла огромную, не всегда видимую, часто таинственную роль в мировой истории. Без мистического влечения к женственности, без влюбленности в вечную женственность мужчина ничего не сотворил бы в ис-

⁷ Этим нисколько, конечно, не отрицается обязательность заботы о существующих детях.

тории мира, не было бы мировой культуры; бесполое всегда бессильно и бездарно. Мужчина всегда творил во имя Прекрасной Дамы, она вдохновляет его на подвиг и соединяет с душой мира. Но Прекрасная Дама, вечная женственность, не может оставаться отвлеченной идеей, она неизбежно принимает конкретную и чувственную форму. Без начала женственности жизнь превратилась бы в сухую отвлеченность, в скелет, в бездушный механизм. Женщина, осуществляющая свое женственное назначение, может сделать великие открытия, которые не способен сделать мужчина. Только женщины могут открыться некоторые тайны жизни, только через женщину может приобщиться к ним мужчина. Пусть женщины плохие математики и логики, плохие политики и посредственные художники, в них таится мудрость высшая, чем всякая математика и политика. Без начала женственности, без приобщения к нему никогда не достигнуть окончательного интуитивного знания и затрудняется путь к церкви как Невесте Христовой. Подобно тому, как Дева Мария оказалась восприимчивой к Духу Божьему, и женственная мировая душа отдастся Божественному Логосу и станет церковью. Вне соединения с женственностью никогда мужчина не постигнет тайну индивидуальности и всемирного слияния в любви. Во все сферы жизни, во все сферы творчества женщина может и должна внести свое животворящее, преображающее свое начало, она изменяет бытие не посредственными мужскими делами, а первоклассными женскими дела-

ми. Пусть женщинам будет открыт доступ во все сферы жизни, ко всем благам культуры, пусть она будет образованна, как мужчина, пусть ей будут даны политические права, если она их добивается⁸, но да и поймет она свое призвание, как обезьянничание, как простое подражание во всем мужчине, как уничтожение всех качества пола, да внесет она во все сферы жизни свое, божественной силой женственности преобразит будни жизни, прозаичность мужских дел. Быть может, свободное вступление женщины, раскрепощенной от родового рабства, на поверхности жизни освободит и нас от власти этой самодовлеющей, прозрачной политики, доводящей до извержения, от гнета жизненного позитивизма. Женское вмешательство в политику есть ограничение власти политики; тогда только начало женственности становится оригинальным и творческим. Мужчина должен ждать от женщины большего, чем простого ему подражания, он ждет от нее освобождения от мужской отвлеченности, однобокости, оторванности. Не амазонкой, обоготворяющей женское начало, как высшее и конкурирующее с началом мужским, должна войти женщина в новый мир, не бесполой посредственностью, лишенной своей индивидуальности, и не самкой, обладающей силой рода, а конкретным образом вечной женственности, призванной соединить мужественную силу с Бо-

⁸ Я придаю мало значения вопросу об избирательных правах женщин и не люблю женской политики, но думаю, что нельзя насильственно препятствовать женщинам добиваться прав.

жеством. Нет ничего отвратительнее женского демонизма, мужской злобы и мужского самолюбия в женщине, самообожания, вносящего в мир раздор и вражду. Злая борьба между женщиной и мужчиной за преобладание, злобная вражда в самой любви, отравляющая основы пола, может быть прекращена лишь восстановлением религиозного смысла любви. Не в современном, прогрессивно-эмансипаторском отношении к женщине нужно искать искры Божьей, а скорее в отношении рыцарском, полном великих предчувствий. Социальные реформы и перевороты не только не решают женского и полового вопроса, но и проходят мимо самой сущности вопроса, затрагивают лишь чисто внешнюю, нейтральную среду. Экономическое освобождение женщины прекрасная вещь, как и раскрепощение семьи, но в существе своем женский вопрос есть половой вопрос, он решается лишь в связи с метафизикой пола.

V

Тайна рождения может быть хоть сколько-нибудь постигнута, если допустить предсуществование человеческих монад. Вечность, которую мы философски и религиозно пророчим человеческой индивидуальности, не может иметь начала в здешней эмпирической жизни, вечное не могло создаться во времени, не могло зачатся в том биологическом факте, который мы здесь называем рождением. Чело-

веческое существо, как и всякая индивидуальность в мире, есть предвечно эманлирующая из Божества монада, предвечно пребывает в Боге, абсолютно существует, творческим актом Бога создается в вечности, до времени. Рождение, как и смерть, есть лишь эмпирическая видимость, лукавая игра греховной, оторванной от Бога природы. Рождение и смерть – это не начало и не конец, как хочет убедить нас природная необходимость, а переселение из иных миров и в иные миры. Время есть дитя предмирного грехопадения, и вошла во времени стихия рода, вытянула в хронологический ряд предвечную иерархию индивидуальных монад. Рождение, как и смерть, – во власти времени, произошли от греховности. Цель мирового процесса – последовательный во времени ряд существ, рождающихся и умирающих, ввести в вечность, преодолеть рождение и смерть, закрыть окончательно двери к временному, несовершенному миру, к искушению дьявольской природы. Между миром трансцендентным и миром имманентным нет пропасти и противоположности, это один и тот же мир, но в разных состояниях – состоянии совершенства и состоянии испорченности. Пол есть окно в иной мир, любовь – окно в бесконечность. И не затаилось ли в сладострастии пола томление по иным мирам, жажда разбить эмпирические грани? Только жажда эта часто не разбивает эти грани, а скрепляет их еще более.

Сладострастие вовсе не есть физиологическое состояние, которое вызывает к себе отрицательное отношение у лю-

дей, настроенных спиритуалистически, и отношение положительное у настроенных материалистически. Есть сладострастие плоти и сладострастие духа, и всегда оно лежит глубже эмпирических явлений, всегда есть ощущение в известном смысле трансцендентное, выводящее за грани. Аскетическое морализование над стихией сладострастия поистине жалкое производит впечатление, нельзя справиться с могуществом этой стихии никакими императивами. Если признать греховным всякое сладострастие, если видеть в нем только падение, то нужно отрицать в корне половую любовь, видеть сплошную грязь в плоти любви. Тогда невозможен экстаз любви, невозможна чистая мечта о любви, так как любовь сладострастна по существу своему, без сладострастия превращается в сухую отвлеченность. Опыт отвержения всякого сладострастия, как греховного, был уже сделан человечеством, этот опыт дорого стоил, он загрязнил источники любви, а не очистил их. Мы до сих пор отравлены этим ощущением греховности и нечистоты всякого сладострастия любви и грязним этим ощущением тех, кого любим. Нельзя соединить чистоту и поэзию этой жажды слияния с любимым с ощущением греха и грязи сладострастия этого слияния. Вопрос о сладострастии иначе должен быть поставлен, пора перестать видеть в сладострастии уступку слабости греховной человеческой плоти, пора увидеть правду, святость и чистоту сладострастного слияния. Не только аскеты средневекового духа, но и аскеты гораздо менее красивого, по-

зитивного и бескровного духа наших дней боятся сладострастия, как «черта», и предаются ему, как тайному пороку. От этой условной лжи, потерявшей уже всякий высший смысл, мы должны, нравственно обязаны освободиться. Нужно встать против лицемерия, связанного с половым сладострастием. Слишком уже становится очевидным для людей нового сознания, что само сладострастие может быть разное, может быть дурное и уродливое, но может быть хорошее и прекрасное. Может быть сладострастие, как рабство у природной стихии, как потеря личности, не может быть и сладострастие, как освобождение от природных оков, как утверждение личности. В первом случае человек является игрушкой, орудием стихии рода, греховной природы, во втором – оно лицо, дитя божественной стихии Эроса. Есть сладострастие личное, экстаз слияния в высшую индивидуальность, мистическое проникновение в «ты», в личность другого, своего родного, своего предназначенного. Экстатическое сладострастное переживание не всегда есть потеря своего человеческого «я», подчинение его безличной звериной природы, но есть также и приобщение к природе божественной, окончательное нахождение в ней своей личности. Есть сладострастие Афродиты простонародной, но есть сладострастие и Афродиты небесной. Только при допущении праведного сладострастия может быть речь о смысле любви, могут оказаться чистыми чаяния любви. Всякий экстаз сладострастен, и элемент сладострастия был во всех религиозных таинствах.

В окончательном слиянии полной и вечной индивидуальности с космосом будет то экстатическое блаженство, которое есть и в слиянии полов. Но страшен соблазн видеть источник экстаза в чисто физических, механических возбуждениях, как это часто бывало в язычестве. Экстаз есть влияние благодати на душу и тело человека, искупление тела⁹. Сладострастие грязное, злое, греховное есть результат дробления личности, превращения оторванной части человеческого существа в целое, есть обращение с личностью человеческой как с простым средством, есть отсутствие личного самоощущения и ощущения другой личности. В натуральной стихии рода есть вечный соблазн безличного сладострастия, противоположного Эросу; сладострастие без благословения любви есть грех, унижение своей и чужой личности. Грязно и греховно делать человека простым орудием своего естественного наслаждения, а не путем слияния с высшей природой. Демонизм сладострастия, связанный с потерей личности и сомнением личности, давит современное поколение, выявляется новой литературой и искусством, и нельзя спастись от этой болезни старой моралью, аскетизмом или замалчиванием и игнорированием остроты вопроса.

Самый острый, трудный вопрос: как утвердить не только духовную, но и плотскую любовь, не безличное, родовое, природно-звериное слияние, а и личное, индивидуаль-

⁹ В таинствах Диониса не было еще настоящей благодати и многое шло снизу, а не сверху.

ное, сверхприродное. Мы подходим к чему-то трудно выразимому словами, к области неизреченного, лишь в мистическом опыте постижимого. Это связано с одухотворением и преображением плоти. Вл. Соловьев уже понимает, что мистическая любовь не ведет к рождению, что плотская ее сторона не есть естественный процесс родового инстинкта, что тут что-то новое входит в материю мира. Так называемые «противоестественные» формы любви и полового соединения, приводящие к негодованию ограниченных моралистов, с высшей точки зрения несколько не хуже, иногда даже лучше форм так называемого «естественного» соединения. Ведь с религиозной точки зрения, да и с философской, вся природа противоестественна, ненормальна, испорчена, и послушание природе и ее законам необходимости не есть мерило добра. Я не знаю, что такое нормальное естественное половое слияние, и утверждаю, что никто этого не знает. Гигиена очень полезная вещь, но в ней нельзя искать критериев добра и красоты, нельзя искать этих критериев и в фикции «естественности», сообразности с природой. «Естественных» норм нет, нормы всегда «сверхъестественны». Мистическая любовь всегда покажется этому миру «противоестественной». Любовь в пределах одного и того же пола есть симптом глубокого кризиса рода, и критиковать ее можно лишь с той точки зрения, достигается ли этой любовью подлинное бытие, осуществляется ли «смысл» любви. Рационально морализовать над тайной пола очень трудно и

не всегда морально, очень легко можно попасть в лапы злой и коварной стихии рода, послужить не Богу, а враждебной Ему природе, принявшей обличие морального благообразия. Не «естественно» нужно соединяться полам, по законам природы и рациональной морали, а «сверхъестественно», по божественным законам преображения плоти. Слово «сверхъестественно» я не в шутку употребляю, а действительно думаю и верю, что из природного мира может быть выход в сверхприродное, и в этом, полагаю, сущность религиозной мистики. Всякая любовь и половая любовь есть сфера религиозной мистики по преимуществу. Мы упираемся в этой сфере в тайну и таинство. Брак есть великое таинство, соединяющее с Богом. Так смотрели все религии. Проповедь естественной морали или моральной естественности посягает на религиозное таинство брачной любви.

Плоть метафизически равноценна духу, и плотское в любви равноценно духовному. Это прежде всего должно быть установлено. Как я не раз уже говорил, плоть не есть физическое явление, не есть материя, исчерпываемая физическими и химическими свойствами, плоть так же метафизична, мистична, как и дух, плоть не есть подчинение природе, естественной необходимости, хотя явления плоти могут оказаться таким подчинением, как и явления духа. Трансцендентные, посторонние корни плотской жизни видны религиозному и философскому сознанию. И плоть любви не есть физика и химия, не исчерпывается физиологическим

процессом, хотя может попасть в рабство (и слишком часто попадает) к природной необходимости. Плотское любовное слияние есть по смыслу своему преодоление эмпирических граней человеческого существа, жажда победить препятствие, поставленное природной необходимостью, победить естественность разделения. Сладострастное томление есть, быть может, корень жажды победить в мире разделение, непереходимость граней между людьми, есть мистическое предчувствие блаженства всеобщего слияния в Боге. Но страшной ошибкой было бы строить мистическое слияние по образцу отвлеченно-физического. Преображение природы, победа над безличными инстинктами достигается индивидуализированием любовного влечения, усилиями найти лицо, ощутить в слиянии образ, начертанный в Боге, не допустить превращения своей личности и личности другого в простое орудие рода. Индивидуализированная любовь, которую только и можно назвать Эросом, есть самый тонкий продукт мировой культуры, есть уже исход из природной необходимости. История Эроса в мире имеет мало точек соприкосновения с историей семьи. Уже в Греции любовь возникла и развивалась вне форм семейного, то есть родового, соединения полов. И в средние века рыцарская любовь, единственно истинная любовь, существовала вне форм семьи, «прекрасная дама» никогда не бывала женой, признанной институтом семьи. В новое время семья слишком часто признается могилой любви, и Эрос поселяется в роман-

тике свободной любви, нередко, впрочем, вырождающейся в пошлость и адюльтер. Эрос входит в мир незримыми, не официальными, противозаконными и противоестественными путями; индивидуализированная любовь, Богом указанное избрание, с великим трудом побеждает природу и подготавливает ее преобразование. Только такая любовь может быть основой таинства брака, которого нет в официальной семье и в установлениях официальной церкви. Брак – таинство и потому уже не может быть союзом юридическим.

VI

Нужно установить три типа любви: 1) Эрос в собственном смысле слова, половое индивидуальное избрание, слияние начала мужественного с вечной женственностью в Боге, предназначенном конкретном образе; 2) мистическое влечение к ближнему и родному, к брату и сестре во Христе, радостное слияние в Богочеловеческом теле; 3) ощущение личности каждого существа, далекого, даже врага и любовное уважение к потенции образа Божьего, обращение с каждым человеческим лицом как целью в себе, а не средством. Все три степени любви – суть лишь конкретизации и индивидуализации единой любви к Богу, к общей божественной природе в людях, во имя которой только и возможно вселенское братство и любовное слияние всех тварей. И в любимой женщине, и в брате по духу, и в каждом существе челове-

ском мы любим образ Единого, Вечного, самого любимого. Христос есть Божественный Эрос, воплощенный в человечестве, источник всякой любви, божественная связь всех разрозненных и уединенных частиц мира. Любовь и есть свободно-божественная, сверхприродная сила соединения, которую только и можно противоположить природной необходимости, естественной силе связанности и скованности. Три ступени любви – это лестница восхождения к Богу, путь слияния с мировой душой. Первая формула любви – индивидуальное половое избрание и слияние есть самая высшая форма, самая полная любовь, в которую все другие формы входят, как составные части, это любовь экстатическая и блаженная в истинных своих проявлениях, типический образ всякого влечения и соединения. Любовь – это тайна двух, тайна брачная. Говорю, конечно, об Афродите небесной, а не вульгарной, в здешнем мире царящей. Высшая форма любви не есть любовь бесполоая, бесплотная, не есть высушенный долг и моральная отвлеченность, в основе ее лежит мистическая чувственность, непосредственная радость касания и соединения. Вторая форма любви и есть то, что называют обыкновенно христианской любовью, это любовное братство во Христе, тут есть тоже элемент избрания и индивидуализации, есть плотское в широком смысле этого слова единение (в теле богочеловечества); в основе ее тоже лежит начало личности. Христианская братская любовь не есть отвлеченное, безличное чувство в духе альтруизма XIX века,

а также радостное влечение, как и влюбленность, она более всего приближается к любви брачной, в ней есть и плотская сторона, так как должна соединить она человечество в единое тело. Это индивидуализированное влечение второй степени, переход от соединения двух к соединению всех. У хлыстов, несмотря на явный их уклон к язычеству, а иногда и демоническое подчинение духа безличной физической плоти¹⁰, есть что-то верное, хотя и искаженное, более верное, чем это высушивание христианской любви и превращение ее в моральный долг, никогда ведь нас ни с чем не соединяющий. Наконец, третья, самая несовершенная форма любви, направленная на всех людей без исключения, самых далеких, самых немилых, есть узнавание и в них любимой, божественной природы, влечение к вечному образу каждого существа в Боге, признание в каждом далеком потенции близкого.

По мере расширения круга Эрос становится все более отвлеченным, безличным и бесплотным, но никогда не может превратиться в сухой, выдуманный альтруизм, в выполнение мучительного предписания. Всегда ведь остается живым конкретным объектом любви существо абсолютное. Любовь к дальнему, о котором много говорили под влиянием Ницше, и есть любовь к Богу, к безмерно-ценному. Нельзя любить всех людей без различия, это требование не только невыпол-

¹⁰ Демонизм я вижу в попытке вызвать благодатное схождение Св. Духа механически-природным путем.

нимое, но и несправедливое, тут много индивидуальных градаций и три основных степени любви.

Но, любя Бога, можно любить весь мир, всю природу, всякую травку и былинку, видеть во всем отблеск Божества и высший смысл. Такое эротическое отношение к миру было отчасти у Франциска Ассисского. Совершенный мир, каким он должен быть по мысли Божьей, весь достоин любви, в нем все прекрасно, все вызывает к себе непреодолимое влечение, и мистическая тайна любви в том и заключается, что любовь есть сила, проникающая в этот мир, что она всегда направлена на Божественно-прекрасный мир. Нельзя любить испорченность мира, нельзя восхищаться гнилью и смрадом, нельзя влечься к уродству, но можно и должно прозревать за эмпирической испорченностью и изуродованностью мир вечной, божественной красоты и ее любить безмерно.

Последний суд принадлежит только Богу, человек же никогда не может осудить тварь Божью, как погибшую окончательно, и поэтому должен любить потенцию спасения.

Любовь есть сила, преображающая мир, освобождающая от призраков тления и уродства. И покрытое проказой лицо любимого существа можно силой любви увидеть в свете преображенном, прозреть чистый образ этого существа в Боге. С лица этого мира спадет проказа от силы любви. Познавательная любовь к Богу у Спинозы, *amor Dei intellectualis*, выражала только часть истины, но и этот мудрец уже понимал, что только любовью заслуживается бессмертие, что только в

любви к Богу мир преобразается. А нам все предлагают любить смрадное и уродливое, повинуюсь отвлеченному долгу, сделать из заповеди любви мучение вместо блаженства, и мы ничего не любим, все для нас стало уродливым и смрадным, мы ищем в оторванных кусках достойных предметов любви и не способны прозревать божественную красоту мира, соединенного Эросом.

И романы людей современной эпохи стали уродливо-пошлыми, и альтруистические упражнения в любви – жалки и беспочвенны.

Эросом связан всякий экстаз и вдохновение, всякое творческое преобразование жизни. Индивидуальная половая любовь есть осуществление вечного индивидуального образа в Боге, достижение полноты для каждой половины, но и всякая иная любовь (не родовой, конечно, инстинкт) есть прозрение в этот индивидуальный образ.

Полное осуществление царства любви, высочайшее воплощение Эроса в мировой жизни возможно лишь в теократии, в царстве Божьем и на земле, как и на небе; царство Божье и есть царство любви, связь мировых частей, основанная на мистически-свободном влечении, а не на насилии и принуждении. Все органические ростки истинной любви ведут к теократии, всякая истинная любовь есть уже зачинающаяся теократия. Таинство брачной любви и не только брачной любви двух полов, но и всех существ мира, соединяющихся в тело богочеловеческое, совершается в мистической церк-

ви Христовой, совершалось в истории мира скрыто, когда не могло еще совершаться открыто. И не есть ли совершающаяся тайна истинной любви таинственное вхождение в мистическую церковь, не имеющую еще эмпирически видимых очертаний. Мы жаждем снятия с пола старого проклятия, жаждем освящения любви, то есть введения ее в сферу теократии. В теократии только может явиться новая плоть любви, сверхприродная плоть. Только религиозно можно преодолеть демонизм пола, злое сладострастие, разрушающее личность, демонический эротизм, поддерживаемый ограниченным аскетизмом исторического христианства, только религиозно можно преобразить природу, освободить от родовой необходимости и родовых инстинктов, которые старым христианством поддерживались. Но страшно важно понять путь к теократической любви не механически, а органически. Не искусственный колпак церковности должен накрывать пол и любовь и этим освящать их и проклинать все, что не попадает под колпак, а из мистической глубины природы человеческой должна вырастать любовь, соединяться с религиозным сознанием и выявляться сокрытая в глубине церковь. Да будут благословенны органические ростки жизни, свободное вращение в мистическое тело церковности! Во всем прежде всего должна быть свободная органичность, а не насильственная и искусственная механистичность! Об этом я буду говорить особо. Нужно победить род, безличную семью индивидуальной мистической любовью, преодо-

леть пол, разрыв, мистическим и духовным слиянием и проникновением в индивидуальный образ, утвердить индивидуальность бессмертной любовью, – основой соединения мира в Боге. Теократия и есть окончательное осуществление любви всех индивидуальностей, окончательное освобождение от безличной власти природы, последнее торжество Афродиты небесной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.